

А. В. Сушко

«Офицер церкви» в условиях антирелигиозной политики Советского государства: подвиг исповедничества омского священника В. Ф. Инфантьева

Интерес современных историков к биографическим работам, выполненным в жанре микроистории, актуализирует вопрос о поиске источников, удовлетворяющих потребности исследователей в получении информации. Особенную сложность представляет проведение реконструкции биографий лиц духовного звания, подвергшихся политическим репрессиям в СССР в 1920–1930-е гг. Жизнь этих людей проходила в условиях эпохи социальных катаклизмов — Первой мировой войны, Русской революции и сталинизма. Многие документы, касающиеся судеб таких людей, погибли в огне войн, другие оказались в архивохранилищах спецслужб, только с 1990-х гг. начавших процедуру рассекречивания материалов, связанных с массовыми политическими репрессиями в СССР.

Современные российские историки стали успешно использовать открывшиеся возможности для работы в архивах спецслужб бывшего СССР. Активно проводятся источниковедческие исследования архивных уголовных дел как специфического исторического источника эпохи сталинизма¹. Публикуются работы, выполненные с использованием биографического метода, основанные на анализе судебно-следственных и архивных уголовных дел репрессированных священнослужителей². Подобные труды, как правило, представляют собой биографиче-

*Сушко Алексей
Владимирович*
д-р ист. наук,
проф., Омский
автобронетанковый
инженерный
институт; Омский
государственный
технический
университет
(Омск, Россия)

ские исследования с элементами источниковедения. Несмотря на то что в последние годы таких работ вышло довольно много, актуальность и научная значимость новых всегда будут высокими, поскольку они посвящены уникальным человеческим судьбам. Обосновывая ценность биографических исследований, пермский исследователь А. И. Казанков справедливо отметил: «Человек всегда есть некоторое отклонение в бытии. Он не типичен по определению — тем и интересен»³.

Цель настоящей работы — исследование информационного потенциала архивного уголовного дела, заведенного Омским окружным отделом (окротделом) ОГПУ на священника Василия Феофановича Инфантьева (1884–1930). 9 января 1930 г. он был арестован и расстрелян уже 27 марта 1930 г. по приговору Особой тройки полномочного представительства (далее — ПП) ОГПУ по Западно-Сибирскому краю. Священник был реабилитирован 27 июня 1989 г. Прокуратурой Омской области⁴.

В задачи исследования входят: 1) источниковедческий анализ основных материалов данного дела, характеристика его ценности как исторического источника; 2) изучение на основе этого дела жизни и деятельности священника В. Ф. Инфантьева.

Фрагментарно документы из архивного уголовного дела В. Ф. Инфантьева уже были введены в научный оборот исследователями, занимавшимися изучением репрессивной деятельности Советского государства и историей советских спецслужб⁵. Однако информация, содержащаяся в материалах этого дела, использована не в полной мере. Она раскрывает практически всю жизнь священника и его служение. Кроме того, хранящиеся в деле документы могут способствовать изучению истории Русской православной церкви в 1920-х гг. на территории крупного региона Западной Сибири — Омского Прииртышья.

Особенности исторического развития России и биография священника позволяют выделить в архивном уголовном деле В. Ф. Инфантьева две группы документов.

Первая группа — материалы, приобретенные к следствию. Целью приобретения чекистами этих документов было их использование для обвинения В. Ф. Инфантьева в контрреволюционной деятельности. Достоверность материалов, приобретенных к следствию, не вызывает сомнений. Среди них официальные письма и делопроизводственные документы, касающиеся служения священника, а также документы и проповеди, написанные им. Эти материалы логично разделить по хронологическому основанию.

Во-первых, это документы, отражающие жизнь священника в дореволюционный период и в годы Гражданской войны в России. Интересно, что в фондах Исторического архива Омской области сохранилось большинство личных дел сотрудников Омского сельскохозяйственного училища, где с 1914 г. служил законоучителем В. Ф. Инфантьев. Однако личного дела В. Ф. Инфантьева среди них нет. В связи с тем, что в анализируемом архивно-следственном деле содержится делопроизводственная документация о службе священника в училище, которая должна была отложиться в его личном деле, с большой долей вероятности можно предположить, что сотрудники ОГПУ изъяли личное дело

В. Ф. Инфантьева, и часть его материалов отложилась в следственном деле. Сотрудники ОГПУ несколько лет серьезно вели разработку священника. На основании этих документов чекисты постарались описать В. Ф. Инфантьева в своей делопроизводственной документации как сторонника «исторической контрреволюции», представив его личность в негативном для того времени свете.

Во-вторых, это документы, связанные с религиозной деятельностью В. Ф. Инфантьева в 1920-х гг., которые хранились у него и имели для него определенную значимость. Они были изъяты сотрудниками ОГПУ во время обыска при аресте В. Ф. Инфантьева и использовались чекистами для обвинения священника в контрреволюционной деятельности.

Из письма правящего в Омске владыки Андроника (Никольского), датированного 11 июня 1914 г., становится ясен путь молодого выпускника Казанской духовной академии В. Ф. Инфантьева в Омск. Епископ Омский и Павлодарский Андроник написал директору Омского сельскохозяйственного училища письмо, поддерживая прошение В. Ф. Инфантьева: «Препровождая Вам, согласно нашего взаимного условия, прилагаемое прошение Свящ[енника] Василия Инфантьева, долгом своим почитаю засвидетельствовать, что, зная лично просителя с самой хорошей стороны, вполне присоединяюсь к его просьбе и прошу Вашего содействия к назначению Свящ[енника] Инфантьева законоучителем вверенного Вам училища»⁶. Поддержка правящего архиерея при выборе кандидата на достаточно престижную для того времени должность законоучителя была решающим обстоятельством. В. Ф. Инфантьев получил вакансию в Омске, навсегда связав свою судьбу с этим сибирским городом.

Также в архивном уголовном деле В. Ф. Инфантьева содержатся: отрицательный ответ Омской духовной консистории в связи с возможностью награждения законоучителя Омского среднего сельскохозяйственного училища В. Ф. Инфантьева орденом Святой Анны 3-й степени (консистория возражала, противясь нарушению принципа постепенности при награждении); служебная переписка об участии В. Ф. Инфантьева в составе Поместного собора Православной всероссийской церкви; ходатайство директора училища перед Главным священником армии и флота А. А. Касаткиным, о назначении В. Ф. Инфантьева священником в военный госпиталь при училище⁷.

Все указанные документы заинтересовали сотрудников ОГПУ, использовавших их для обвинения В. Ф. Инфантьева, поскольку, по мнению чекистов, они характеризовали священника как отъявленного контрреволюционера, в прошлом имевшего заслуги перед царским и колчаковским режимами. В связи с этим в части обвинительного заключения, обосновывавшей рассмотрение его дела во внесудебном порядке через Особое совещание, говорилось: «Следственное дело за № 614 по обвинению гр[аждани]на ИНФАНТЬЕВА Василия Феофановича, 1884 года рождения, не судившийся, но подвергавшийся органами ВЧК — ОГПУ три раза аресту: в 1921, 1924 и в 1926 гг., происходящий из духовного звания, священник-настоятель Омской Братской тихоновской церкви, Член Омского Епархиального Совета, окончивший императорскую Казанскую духовную академию, кандидат богословия, бывший законоучитель Омского среднего с[ельско-]х[озяйственного] училища, награжденный орденом [Святой]

Анны 3 степени, член Поместного собора 1917 г., назначенный в 1919 г. при Колчаке на должность военного священника, происходящий из б[ывшей] Уфимской губ[ернии] Белебеевского уезда, Ильинской волости и села, как на социально чуждый элемент, в порядке приказа ОГПУ 172–24 г. отправить на рассмотрение Особого Совещания при коллегии ОГПУ через ПП ОГПУ по Сибкраю»⁸.

Находящиеся в деле документы позволяют уточнить важные факты, касающиеся дореволюционной жизни священника и его участия в событиях Русской революции.

В архивном уголовном деле священника В. Ф. Инфантьева содержатся различные документы, связанные с его религиозной деятельностью в 1920-х гг. (тексты проповедей, доклад епископа Аркадия митрополиту Сергию и пр.). Проповеди, подготовленные священником, позволят судить о его мировоззрении и уровне подготовки духовного пастыря. В конспекте проповеди, написанной к празднику Покрова Богородицы, священник писал: «Разве вы не испытывали на себе благодатной помощи Ц[арицы] Небесной. Не напрасно воздвигнуты Ей храмы по городам и обширным селам России. Все храмы — это немые для неверующих, но много нам христианам говорящие памятники небесного покровы христианам. Будем же с верой взирать на ее прекрасный образ и в часы горестного раздумья о постигающих нас испытаниях, неудачах и жизненных невзгодах, будем надеяться, что пока у нас есть Высокая Небесная Заступница, нам не страшны испытания, не страшны невзгоды. Пройдут года, люди одумаются и придут сюда же и вместе с нами будут петь радуйся, радость наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором, ибо нет такой силы, которая устояла бы пред силой Небесной Покровительницы рода христианского»⁹.

По поводу изъятой чекистами проповеди на допросе в 1930 г. священник показал, что она написана в 1927 или 1928 г. и не была произнесена. Проверить это невозможно, однако на основании документов из архивного уголовного дела можно уверенно утверждать, что проповеди, подготовленные священником В. Ф. Инфантьевым, свидетельствуют о его глубокой, искренней вере в истинность православия, убежденности в том, что атеизм в обществе — явление временное и христианство в России возродится. Такая позиция противопоставляла В. Ф. Инфантьева политике коммунистической власти, в то время ставившей целью полностью ликвидировать религию в советском обществе.

В. Ф. Инфантьев был убежденным сторонником патриарха Тихона. После смерти патриарха, по решению епархиального духовенства, он ездил в Нижний Новгород и встречался с митрополитом Сергием (Старогородским). Впоследствии священник поддерживал с ним связь¹⁰. Во многом именно под влиянием В. Ф. Инфантьева абсолютное большинство духовенства омской епархии не поддержало церковного раскола, встав на сторону патриаршей церкви. Омское духовенство продолжало придерживаться этой ориентации и после появления знаменитой декларации митрополита Сергия 1927 г. В. Ф. Инфантьев посчитал уместным обратиться к митрополиту Сергею, для того чтобы показать вредность для церкви некоторых уступок государству. Машинописная копия доклада епископа Омского Аркадия митрополиту Сергию хранится в архивном

уголовном деле В. Ф. Инфантьева. Этот доклад был опубликован нами в соавторстве с омским историком и архивистом Д. И. Петиним¹¹. На допросе 25 февраля 1930 г. об авторстве доклада В. Ф. Инфантьев показал следующее: «Доклад на имя патриаршего местоблюстителя Сергия от 29 ноября 1929 г. по поводу изменения границ епархии соответственно гражданскому делению составил я по предложению епископа Аркадия и др[угих] членов Епархиального Совета. Этот доклад печатался в Москве»¹². В докладе подвергнута критике политика митрополита Сергия по перестройке церковного управления в соответствии с государственным административным делением. В качестве примера в документе описывалась ситуация в омской епархии: «Омская епархия, за самый незначительный промежуток времени, потеряла 2/3 своих приходов и в дальнейшем, при интенсивной работе в этом направлении, может остаться без церквей и приходов, если только (чего не дай Бог!) высшая церковная власть будет планомерно и последовательно проводить принцип “приспособления к гражданскому делению”, игнорируя и обходя интересы церковного порядка»¹³.

Краеугольным камнем деятельности В. Ф. Инфантьева в 1920-е гг. была защита православных догматов и традиций, закрепленных в Священном предании. Со ссылкой на соборную практику митрополиту Сергию указывалось на пагубность практики ломки традиционных границ епархий в угоду государственной власти. В докладе об этом говорилось следующим образом: «В настоящее время интерес чисто церковный имеет весьма сомнительный смысл в мероприятиях гражданского порядка, в отличие от мероприятий гражданской власти в века вселенских и поместных соборов, а потому поступаться интересами церковными и жизненными в угоду непостоянно и быстро меняющемуся делению гражданскому едва ли будет отвечать тому высокому положению и тем задачам, которым должен служить Патриарший Синод. Патриаршему Синоду, очевидно, не известен тот быстрый темп гражданского деления, который осуществляется на местах, а потому и мероприятия Синода по какому-то роковому течению времени имеют на себе все признаки безрезультатной погони за исчезнувшим из поля зрения явлением»¹⁴.

В ходе следствия оперативник ОГПУ, внимательно изучивший документ, подчеркнул карандашом приведенные фрагменты доклада. Написание доклада стало важным пунктом обвинительного заключения, где об этом документе говорилось: «В конце 1929 г. ИНФАНТЬЕВЫМ написан митрополиту Сергию доклад о реорганизации Омской епархии соответственно гражданскому делению, в котором он под видом недовольства гражданским районированием пытался дискредитировать Сов[етскую] власть»¹⁵.

Бесспорно, в своей жизни В. Ф. Инфантьев осуществлял исповедание веры, сохранял верность Богу и Его Церкви, а также каноническому строю православия. Однако в то же время деятельность священника была объективно направлена против коммунистического государства. Как сторонник патриаршей церкви, он являлся его убежденным идейным противником. Поэтому вполне можно согласиться с оценкой, которую дали И. В. Краевская и И. В. Черказьнова: «Власти чувствовали в лице Инфантьева умного, сильного врага. И не зря»¹⁶.

Вторая группа — это делопроизводственная документация органов ОГПУ, связанная с арестами священника в 1926 и 1930 гг. К данной группе источников относятся анкеты арестованного; его фото в заключении; протоколы его допросов; протоколы допросов свидетелей; переписка сотрудников ОГПУ с вышестоящим руководством в Новосибирске, раскрывающая истинные причины ареста и расстрела священника; обвинительное заключение; документы о вынесении приговора и его исполнении. Источники данной группы представляют интерес не только для исследования судьбы В. Ф. Инфантьева. Они дают интереснейшую, уникальную информацию о деятельности органов ОГПУ в отношении Русской православной церкви, о формах и методах работы чекистов в отношении духовенства, о борьбе тихоновцев с обновленцами на территории Омского Прииртышья.

В анкете арестованного священника В. Ф. Инфантьева, заполненной 11 января 1930 г., содержатся важные сведения о нем и его семье. На иждивении отца Василия были жена Вера Петровна 42 лет, дочери Любовь и Наталья, 17 и 6 лет. Про взрослых сыновей Германа и Алексея, в то время проживавших самостоятельно, в анкете не упомянуто. В. Ф. Инфантьев указал, что с 1921 по 1929 г. был священником Братской церкви Омска. В пункте о привлечении к судебной ответственности он сообщил, что «привлекался в административном порядке»¹⁷. Интересно, что в протоколе допроса, также проведенного чекистами 11 января, говорилось об арестах В. Ф. Инфантьева органами ВЧК — ОГПУ в 1921, 1924 и 1926 гг. В связи с этим из анкеты становится понятно, что в результате данных арестов священник привлекался только к административной ответственности, поэтому других архивных уголовных дел, связанных с данными арестами, не существует.

М. Н. Потемкина, исследовавшая особенности архивно-следственных дел как исторического источника, обращает внимание на то, что при их использовании нужно учитывать «права граждан на защиту персональной информации, тайну личной жизни, защиту прав свидетелей, в общем на соблюдение этически-нравственных норм»¹⁸. Для историка соблюдение этически-нравственных норм заключается в первую очередь в правдивости. Установить достоверные исторические факты о человеке невозможно без анализа его поступков. В нашем случае необходимо ответить на вопрос о том, давал или не давал В. Ф. Инфантьев в ходе следствия показания, которые привели бы к аресту, осуждению и тем более лишению жизни невинных людей. Это принципиально важно для оценки его личности в истории и при возможном рассмотрении вопроса о канонизации. На следствии 1930 г., находясь в крайне тяжелых условиях, В. Ф. Инфантьев не признал своей вины и не давал показаний, которые могли бы принести вред другим людям.

Гражданами, давшими показания против священника В. Ф. Инфантьева, на основании которых его расстреляли, были священники Омской епархии и близкие к нему в церкви люди из причта, подробно рассказывавшие сотрудникам ОГПУ о «контрреволюционной деятельности» В. Ф. Инфантьева.

Наиболее подробные показания об антисоветской агитации со стороны В. Ф. Инфантьева дал священник Т. (здесь и далее фамилии людей, давших

показания против В. Ф. Инфантьева, не приводятся полностью по этическим соображениям), заявивший: «Протоиерея Инфантьева Василия Феофановича знаю давно и могу дать точную оценку его поведения, антисоветских проявлений, выступлений». Т. рассказал по дням в деталях о 13 эпизодах антисоветской агитации со стороны В. Ф. Инфантьева за период с 1927 по 1929 г.¹⁹

Иподьякон П. на допросе показал: «Протоиерей, член епархиального совета Инфантьев Василий Феофанович, как я знаю, антисоветски настроен, имея влияние среди омского духовенства и верующих, исподтишка вел и ведет злостную агитацию против мероприятий власти и распространяет провокационные слухи в связи с международным и внутренним положением Советского Союза и имеет целью подрыв, ослабление и дискредитирование, что подтверждается целым рядом фактов»²⁰. В ходе следствия П. подробно рассказал чекистам об 11 фактах контрреволюционной агитации В. Ф. Инфантьева²¹. Основные факты из показаний Т. и П. привел М. С. Шангин, справедливо отметил: «Нельзя не удивляться памятьливости свидетелей, если только они не вели специально систематических наблюдений и записей»²². Показания в таких подробностях за более чем три года могли давать только осведомители ОГПУ. Т и П. были основными, но не единственными свидетелями обвинения по делу В. Ф. Инфантьева.

Против В. Ф. Инфантьева дал показания дьякон Тр.: «Инфантьев В. Ф., протоиерей Братской церкви города Омска, член Епархиального управления сергиевцев, настроен антисоветски и в связи с китайскими событиями (имеется в виду переворот Чан Кайши в Нанкине и Шанхае. — А. В.), обсуждением международных событий распространяет провокационные слухи»²³. Тр. в качестве примера привел один эпизод.

Священник Крестовоздвиженской церкви К. показал: «Вообще Инфантьев всегда высказывает недовольство Советской властью, собирает и передает всякие дискредитирующие власть слухи и сведения, из которых он делает свои выводы и заключения антисоветского характера»²⁴. К. дал показания о трех эпизодах антисоветской агитации, проводимой В. Ф. Инфантьевым.

Единственным представителем духовенства, пытавшимся спасти священника от расправы, был правящий омский архиерей епископ Аркадий (Ершов). Он не дал чекистам никаких конкретных показаний против В. Ф. Инфантьева, не назвал ни одного эпизода его контрреволюционной деятельности. В своих ответах архиепископ умело избегал конкретики: «За политическую благонадежность Инфантьева в прошлом я поручаться не могу, но за его будущее могу поручиться, так как его, как человека дисциплинированного, можно исправить по духовной линии. Инфантьев — человек несколько религиозно-фанатический, и благодаря этому может допустить некоторые передержки в разных вопросах. Фанатичность его граничит с некоторой нервозностью»²⁵. Владыка Аркадий искренне пытался спасти В. Ф. Инфантьева, однако чекисты и без его показаний подготовили достаточно материалов для того, чтобы по законам того времени передать дело В. Ф. Инфантьева на рассмотрение в особое совещание.

Материалы следственного дела В. Ф. Инфантьева позволяют утверждать, что к 1930 г. оперативники ОГПУ через свою агентуру полностью контролировали тихоновское движение Русской православной церкви в Омске. Примечательно,

что даже формальный глава омских тихоновцев владыка Аркадий, в настоящее время причисленный Русской православной церковью к священномученикам, в ходе следствия старавшийся спасти священника В. Ф. Инфантьева, был осведомителем ОГПУ. Об этом свидетельствуют материалы уголовного дела заведенного на епископа омскими чекистами в 1931 г. В частности, в постановлении о направлении его дела на рассмотрение в Особое совещание при коллегии ОГПУ архипастырь в числе прочего изобличался в том, что «будучи секретным сотрудником органов ОГПУ, знал о ряде фактов а[нти]с[оветской] деятельности реакционного духовенства г. Омска — не только не сигнализировал о них, но всячески поддерживал эту деятельность и умышленно скрывал ее от органов ОГПУ»²⁶.

Исследователь А. В. Печерин обратился к проблеме секретного сотрудничества священнослужителей с органами ОГПУ — НКВД. С его точки зрения, достаточно распространенный мотив согласия представителей Церкви стать секретными осведомителями органов государственной безопасности был таков: «Соглашение к сотрудничеству давалось формально, для продолжения осуществления церковной деятельности. Такого рода позиция, когда подписанный документ исполнялся формально или даже использовался в церковных интересах, следователями ОГПУ — НКВД часто именуется “двурушничеством”»²⁷. Из материалов архивных уголовных дел В. Ф. Инфантьева и епископа Аркадия (Ершова) следует, что священномученик Аркадий согласился стать осведомителем органов ОГПУ в суровых условиях, чтобы продолжить служение Христу. В ходе деятельности в качестве осведомителя он постарался использовать свой статус в интересах Церкви. Владыка не свидетельствовал против духовенства, за что в итоге и пострадал, подвергшись репрессиям.

В анкете следственного дела владыка Аркадий, описывая свое тяжелое положение на омской кафедре, подчеркивал, что он не мог повлиять на состояние дел, так как «находился в фактически беспомощном состоянии. Проповеди в это время он говорил редко. Кроме того, немалое давление оказывалось на архипастыря через органы ОГПУ»²⁸. В период, когда омской кафедрой правил владыка Аркадий, «генерал церкви», подавленный и находившийся под контролем органов ОГПУ, основная нагрузка по защите церковных интересов лежала на «офицере церкви» — протоиерее В. Ф. Инфантьеве. Он имел значительный авторитет среди епархиального духовенства и являлся неофициальным лидером омских тихоновцев. Именно поэтому органы ОГПУ последовательно занимались оперативной разработкой священника и репрессировали его.

Осведомители ОГПУ дали чекистам многочисленные и весьма сомнительные показания об антисоветской агитации, якобы проводившейся В. Ф. Инфантьевым, который, как говорилось в обвинительном заключении, «начиная с 1927 г. до момента ареста занимался систематически ведением антисоветской агитации под религиозным флагом, распространением ложных и провокационных слухов в контрреволюционных целях, как среди духовенства, так и среди верующих масс»²⁹.

Перечислим некоторые эпизоды контрреволюционной агитации, по версии следствия якобы проводившейся В. Ф. Инфантьевым. По результатам допросов свидетелей эти факты были включены сотрудниками ОГПУ

в обвинительное заключение. В числе прочих чекисты привели следующие высказывания: «31 марта 1927 г. ИНФАНТЬЕВ среди духовенства и верующих г. Омска по поводу бомбардировки Нанкина и бесчисленных жертв в связи с этим говорил, что газеты Советского Союза скрывают истинное положение, что на самом деле Китайская революция будет подавлена, а Советская власть не устоит.

I/XII-27 г. в разговоре с духовенством о Троцкизме высказывал мысль о том, что оппозиция и ее борьба с партией могут вызвать гражданскую войну и что большой вопрос — в чью пользу она кончится, так как явных и скрытых сторонников оппозиции много.

26/XII-28 г. ИНФАНТЬЕВ вместе со ссыльным МЕЛЕХОВЫМ распространял слухи, что положение крестьян в России еще хуже, чем в Сибири, середняка признают там за кулака, а отсюда недовольство крестьян»³⁰.

Н. В. Кладова отмечает: «Сегодня уже никто из серьезных исследователей не отрицает того факта, что следственные дела — это массовый, весьма специфический, фальсифицированный, но все же исторический источник, требующий критического отношения»³¹. Рассматриваемое дело в отношении В. Ф. Инфантьева, на наш взгляд, соответствует приведенной характеристике. «Контрреволюционная агитация» В. Ф. Инфантьева, в формулировках, о которых рассказали свидетели обвинения, главные из которых были осведомителями ОГПУ, вызывает сомнения в связи с рядом обстоятельств.

Во-первых, в ходе следствия В. Ф. Инфантьев не признал фактов контрреволюционной агитации. На допросе 11 января 1930 г. он отрицал свое участие в разговорах на политические темы, заявив оперативнику ОГПУ, допрашивавшему его: «При встрече со знакомыми стараюсь избегать разговоров на политические темы, боясь того, что их могут извратить и придать им иной смысл, который может меня скомпрометировать»³². На допросе 22 января 1930 г. священник дополнительно показал: «Виновным в предъявленном мне обвинении, т. е. в систематическом ведении антисоветской агитации и распространении провокационных слухов себя не признаю, но поясняю, что разговоров о китайской революции, в связи с Нанкинскими событиями в 1927 году, в таком изложении, какое имеется в деле, я не помню». Священник подчеркивал: «Никаких разговоров по вопросам международного положения, а также внутреннего ни с кем не имел и агитации на этой почве против Сов[етской] власти не вел»³³.

Во-вторых, в ходе следствия сотрудники ОГПУ не провели ни одной очной ставки между обвиняемым и лицами, дававшими в отношении священника показания о контрреволюционной агитации с его стороны.

В-третьих, в хронологическом порядке все контрреволюционные высказывания В. Ф. Инфантьева, включенные сотрудниками ОГПУ в обвинительное заключение, подозрительно связаны с актуальными для правящей партии вопросами: китайские события, борьба с троцкистами, хлебозаготовки. Здесь следует принять во внимание, что с октября 1929 г. сотрудники Омского окротдела ОГПУ вели переписку с руководством в Новосибирске об аресте В. Ф. Инфантьева. Важно, что первоначально Омск не получил из Новосибирска санкции на арест священника. Сотрудники ПП ОГПУ по Сибкраю на

запрос об аресте священника ответили: «В вашем меморандуме на священника ИНФАНТЬЕВА в период времени с 1926 г. перечислены факты его суждений на разные политические темы и события исключительно среди духовенства и членов Епархиального управления и ни одного факта об антисоветской агитации, пропаганде или роспуске провокационных слухов среди населения — не приведено. Из этого мы приходим лишь к такому заключению, что ИНФАНТЬЕВ настроен антисоветски и свое убеждение высказывает только среди узкого круга знакомых церковников, а потому арест и привлечение его к ответственности считаем преждевременным. За ИНФАНТЬЕВЫМ необходимо повести глубокое наблюдение, направляя его в сторону установления фактов антисоветской деятельности среди населения вообще и верующих масс в частности»³⁴.

Омские чекисты торопились с арестом В. Ф. Инфантьева. Они очень быстро доработали материалы оперативной разработки и получили санкцию на арест, не утруждаясь проведением «глубокого наблюдения», как это было предписано руководством. В ряду контрреволюционных высказываний В. Ф. Инфантьева, приведенных в обвинительном заключении, наиболее «актуальным» в 1929 г. сотрудникам ОГПУ представлялось суждение о хлебозаготовках. В обвинительном заключении подчеркивалось: «Особенно усиленная провокационная антисоветская деятельность ИНФАНТЬЕВЫМ проводилась в течение 1929 г., что подтверждается также следующими фактами: 25/IV-29 г. среди городского и деревенского духовенства и верующих (в соответствии с требованиями руководства сотрудники ОГПУ подозрительно быстро расширили аудиторию, в которой священник якобы проводил контрреволюционную агитацию. — А. В.), касаясь хлебозаготовок, говорил, что хлебозаготовки, очереди за хлебом являются предсмертными признаками умирающего, что это, возможно, делается с провокационной целью вызвать искусственным путем восстание, подобное 1921 г., для вывода из строя лишних для власти людей»³⁵.

Смысл акцента, сделанного омскими чекистами в обвинении, очевиден в связи с указаниями из Новосибирска. Руководствуясь этими указаниями, сотрудники ОГПУ в Омске представили «факты антисоветской деятельности среди населения вообще и верующих масс в частности», как того требовало вышестоящее начальство в приведенном ранее ответе из Новосибирска по поводу ареста В. Ф. Инфантьева. Учитывая, что это было сделано быстро и задним числом, правомерно предположить, что со стороны оперативника ОГПУ, занимавшегося делом В. Ф. Инфантьева, могла быть осуществлена частичная фальсификация следственных материалов. В пользу этой версии говорит и опыт священника, которого до этого арестовывали уже три раза. Маловероятно, чтобы он стал так неосмотрительно и достаточно часто говорить столь опасные вещи.

При оценке «контрреволюционной агитации», якобы проводившейся В. Ф. Инфантьевым, следует учесть общую ситуацию в стране. Преподнося в таком виде деятельность В. Ф. Инфантьева, сотрудники ОГПУ шли в ногу со временем. Характеризуя обстановку осени 1929 г., авторитетный специалист по истории Русской православной церкви М. И. Одинцов отмечает: «Трудности, выявившиеся осенью 1929 г. в ходе кампании по хлебозаготовкам и по мере развертывания коллективизации, были отнесены на счет “кулацких элементов”

и «служителей культа»³⁶. В тот период репрессии против духовенства ставились властью на конвейер и сотрудники советских спецслужб при подготовке обвинений основывали их на острых для того периода темах. Так городской священник В. Ф. Инфантьев в условиях форсированной коллективизации оказался «умело вовлечен» сотрудниками ОГПУ и их агентурой в контрреволюционную деятельность, направленную против политики государства в деревне.

Приведенные доводы позволяют утверждать, что чекисты с 1926 г. последовательно вели разработку В. Ф. Инфантьева, обеспечивая через своих осведомителей нужные для следствия показания с целью добиться его долговременной изоляции или расстрела. Возможно, что оперативники, разрабатывавшие священника, давали задание своим осведомителям говорить со священником на острые политические темы, а потом совместно с агентами «дорабатывали» формулировки его высказываний до нужной формы. В тех условиях никто не мог проверить это. Вероятно, именно по данной причине в ходе следствия не проводились очные ставки.

Ключевым документом для понимания столь жестоких репрессий в отношении В. Ф. Инфантьева и его семьи, на наш взгляд, является повторное ходатайство об аресте священника. Оно было направлено 19 декабря 1929 г. сотрудниками Омского окротдела ОГПУ руководству в Новосибирск. В этом доработанном в соответствии с пожеланиями руководства документе чекисты подчеркивали, что у священника «большие связи и знакомства в Омской епархии», которые делали его антисоветские высказывания «достоинством значительной массы верующих и духовенства, а также вообще населения». В документе содержалась крайне важная информация о деятельности ОГПУ в отношении Русской православной церкви на территории Омска и о роли, которую играл В. Ф. Инфантьев в борьбе с обновленчеством. Сотрудники ОГПУ сообщали: «В настоящее время мы поставили перед собой задачу укрепления обновленчества, расширения его за счет тихоновщины как в городе, так и в деревне. Выполнение этой задачи будет связано с усилением руководства над центральным тихоновским осведомлением, что при наличии в Епархиальном Управлении еп[ископа] АРКАДИЯ — прот[оиерея] ИНФАНТЬЕВА будет затрудняться, а следовательно тормозиться работа по обновленчеству и вообще по духовенству. Ввиду изложенного просим вторично Вашей санкции на арест Инфантьева с целью пресечения, с одной стороны, его а[н]ти[с]о[ветской] деятельности, а с другой — влияния на тихоновский Епархиальный церковный Совет»³⁷. Данный документ показывает, что настоящая причина ареста и казни В. Ф. Инфантьева заключается в том, что он активно препятствовал обновленцам и стоявшим за их спиной чекистам вести работу, направленную на раскол Русской православной церкви. В отличие от явно недостоверной информации о контрреволюционной агитации, якобы проводившейся В. Ф. Инфантьевым, достоверность сведений, содержащихся в служебной переписке об истинных мотивах расстрела чекистами В. Ф. Инфантьева, а также о деятельности органов ОГПУ по поддержке обновленцев, направленной на раскол церкви, не вызывает сомнений, — ведь это была внутриведомственная документация с информацией вышестоящему руководству, которая проходила под грифом «совершенно секретно».

Подчеркнем, что в ведомственных документах сотрудники ОГПУ называли духовенство, подчинявшееся заместителю патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию, «тихоновским». Эта трактовка была типичной для карательных органов, прекрасно осведомленных о внутренних церковных делах. Чекисты обоснованно считали митрополита Сергия продолжателем дела патриарха Тихона, который стремился спасти Русскую православную церковь от полного уничтожения и вынужденно шел на компромисс с коммунистическим государством. В связи с этим правомерно называть В. Ф. Инфантьева, боровшегося за сохранение патриаршей церкви от раскола, «тихоновцем».

Вскоре после расстрела В. Ф. Инфантьева (март 1930 г.) омские обновленцы под председательством архиепископа Матфия провели расширенное заседание обновленческого Омского епархиального церковного управления с участием обновленческих благочинных епархии. На заседании был заслушан доклад обновленческого архиепископа о положении церковных дел на территории СССР, в частности в Омской епархии. В результате обновленцы приняли постановление об активизации своей деятельности, в котором обновленческим священникам давалось следующее указание: «Предложить духовенству епархии через о[тцов] благочинных войти в непосредственное соприкосновение с соседними тихоновскими священниками, разъяснив им правильное руководство церковной жизни у обновленцев, нашу организованность, нашу взаимную увязку и нашу защиту духовенства, что нет у староцерковников, в частности у епископа Аркадия, примером этому служит история со многими священниками и приходами»³⁸. В связи с расстрелом В. Ф. Инфантьева (о котором, без сомнения, городскому духовенству было хорошо известно) акцент обновленцев «на защите своего духовенства», по их собственному мнению, мог склонить священников-тихоновцев к переходу в обновленчество. Однако кампания активизации обновленцев в Омске, организованная органами ОГПУ, не принесла результатов. Большинство омских верующих шло за священниками тихоновской ориентации, сохранявшими догматическое церковное учение.

Изучая в некоторой степени схожее с делом В. Ф. Инфантьева судебно-следственное дело в отношении иеромонаха Макария (Телегина), игумен Дамаскин (Орловский) подчеркнул важную особенность таких дел: их материалы позволяют увидеть человека таким, каким он был на самом деле: «“Рядовому” человеку было в годы советской власти не до рисовки. Чрезвычайное давление, которое оказывалось на него в условиях предварительного следствия или судебного разбирательства, было настолько велико, поглощая в значительной степени его внимание, что ему некогда было заботиться о том, как он выглядит в глазах окружающих. И в искаженном стекле объектива следственных органов, настроенных увидеть то, что им было нужно, он все же запечатлевался почти таким, каким был в действительности»³⁹. Сотрудники ОГПУ старались представить В. Ф. Инфантьева как контрреволюционера, человека, настроенного антисоветски и публично выступавшего против действующей власти. Однако материалы следственного дела священника, вопреки усилиям чекистов, наглядно свидетельствуют, что он был расстрелян не за *антисоветскую*, а за *религиозную* деятельность. В отличие от многих омских

священников того времени, он не шел на компромисс с совестью; несмотря на явную угрозу для жизни, многодетный отец семейства отстаивал каноническую православную веру. Материалы рассматриваемого архивного уголовного дела свидетельствуют, что священник почти десятилетие препятствовал деятельности советских спецслужб, поддерживавших обновленчество и старавшихся таким образом разложить Русскую православную церковь. В. Ф. Инфантьев твердо стоял на позициях тихоновского течения Русской православной церкви и несколько лет был костью в горле для омских чекистов, отвечавших за работу с религиозными конфессиями. Сотрудники ОГПУ инкриминировали В. Ф. Инфантьеву борьбу с обновленчеством как политическое преступление, о котором в обвинительном заключении говорилось: «ИНФАНТЬЕВ, являясь членом Епархиального церковного совета, использовал свое положение для распространения среди духовенства, как в городе, так и в деревне, письменных документов, в которых под видом борьбы с обновленчеством делалась попытка дискредитировать Сов[етскую]власть»⁴⁰.

В 1930 г. расстрел священника В. Ф. Инфантьева стал исключительным фактом для Омска. Он случился вследствие того, что священник принципиально не сотрудничал с богоборческими властями в ущерб интересам церкви. Широкомасштабное преследование омского духовенства органы ОГПУ начали через год после расстрела В. Ф. Инфантьева, в марте 1931 г., когда по городу прокатилась волна арестов духовенства и активистов церковных общин. Формальным поводом к началу арестов стали два факта: 1) петиция, переданная старостой Ильинской церкви Омска А. С. Проскуряковым в итальянское посольство с информацией об антирелигиозной политике государства в Омске; 2) письмо отбывавшего ссылку священника Концевича митрополиту Сергию с критикой его политики «ложной лояльности» по отношению к государственной власти. Для того времени это были очень серьезные «контрреволюционные» преступления. В ходе кампании власти арестовали более двух десятков человек и разгромили приходы Братской и Ильинской церквей. Однако наказания, которые понесли фигуранты дела, не идут ни в какое сравнение с расстрелом В. Ф. Инфантьева. Самое суровое наказание получили церковный староста А. С. Проскуряков и священники К. В. Платонов, В. П. Федосеев, В. А. Таланов, А. А. Радонежский, И. Д. Козлов. Они были приговорены к трем годам заключения в лагере⁴¹. Сопоставление наказания священников, проходивших по делу 1931 г., с расстрелом священника В. Ф. Инфантьева в 1930 г. свидетельствует о том, что его религиозная деятельность в условиях коммунистического государства, имевшая общественно-политическое значение, и отказ сотрудничать с властями по-настоящему разозлили сотрудников ОГПУ в Омске.

Несмотря на формальные требования, определявшие обязательный набор документов дела, каждое архивно-следственное дело в своем роде уникально и специфично, поскольку в его основе лежит неповторимая судьба человека. Особенность архивно-следственных дел в отношении духовенства эпохи сталинизма состоит в том, что это основной исторический источник, позволяющий судить о жизни и деятельности священников в СССР. Яркая иллюстрация данного тезиса — дело омского священника В. Ф. Инфантьева, где благодаря

настойчивой работе сотрудников ОГПУ содержатся достаточно подробные сведения о нем. Чекисты собрали документы и материалы о жизни и деятельности В. Ф. Инфантьева не только в 1920-е гг., но и в дореволюционный период, и во время революции и Гражданской войны в России. Вследствие политики коммунистического государства священник в сталинском СССР, как справедливо заметил А. И. Казанков, «являлся классическим маргиналом»⁴². В отличие от репрессированного военного, ученого или рабочего, у служителя религиозного культа не было общепринятых для советских граждан документов о работе, общественной деятельности и пр. Сведения о них, как правило, собирались сотрудниками советских спецслужб и в основном отложились в архивных уголовных делах.

Дело В. Ф. Инфантьева включает множество разнотипных источников, отражающих не только репрессивную деятельность Советского государства в отношении священника, но и его жизнь, а также историю православия в Омске в 1920-х гг. Особенно ценны содержащиеся в деле сведения по истории Омской и Павлодарской епархии, а также ведомственные материалы, связанные с организацией работы чекистов по разложению Русской православной церкви через обновленцев. Очевидно, что до начала 1930-х гг. органы ОГПУ старались формально соблюсти законность и осуществляли долговременную оперативную разработку священника. По составу материалов дело В. Ф. Инфантьева качественно отличается от большинства сфабрикованных дел, находившихся в производстве органов НКВД во второй половине 1930-х гг.

Степень достоверности документов, содержащихся в деле В. Ф. Инфантьева, различна, поэтому нужно оценивать достоверность не всего дела, а групп документов в нем. Информация о дореволюционной жизни священника, а также о его религиозной деятельности и борьбе с обновленчеством не вызывает сомнений, позволяя достаточно подробно реконструировать основные вехи его биографии, борьбу тихоновцев против обновленцев и стоявших за их спиной чекистов в Омском Прииртышье. В то же время показания свидетелей обвинения, основные из которых были информаторами ОГПУ и выполняли указания оперативников, частично вызывают сомнения, так как подозрительно связаны с актуальными для власти вопросами и в сжатые сроки дорабатывались до нужного вышестоящему чекистскому руководству вида.

Профессор Брандейского университета (США) и научный сотрудник Центра российских исследований Дэвиса Гарвардского университета, специалист по истории Русской православной церкви и русского духовенства Грегори Фриз выдвигает следующую задачу по исследованию истории Русской православной церкви: «[Необходимо] перейти от “истории церкви” к “истории религии” — т. е. изучать не Церковь и духовенство, а религиозные практики и роль верующих. Дело не только в том, что “мир мирян” остается главным пробелом, но и в том, что именно в советское время, когда советская власть практически разрушила Церковь (как институт, включающий его служителей), судьба Православной Церкви была в руках прихожан, а не духовных лиц... При изучении советского периода... надо перенести фокус с генералов на рядовых — прихожан,

которые тогда находились у власти. В конце концов, выживание и будущее Православия в те годы зависели не от клириков, а от мирян-активистов»⁴³.

Проведенный анализ архивного уголовного дела В. Ф. Инфантьева продемонстрировал огромную роль «офицера церкви» — священника, находившегося на передовой линии борьбы за сохранение догматической православной веры и Русской православной церкви в 1920-е гг. Поэтому мы считаем необходимым дополнить задачу, поставленную американским исследователем. Личный выбор, сделанный В. Ф. Инфантьевым, доказывает, что от деятельности пастыря, который служил примером и вел за собой верующих, в значительной степени зависел провал политики Советского государства по утверждению обновленчества и расколу Русской православной церкви в Омске. Думается, что в других регионах СССР было множество подобных священников со схожими судьбами. Поэтому сегодня крайне важно обратиться к изучению деятельности не только «рядовых прихожан», отстаивавших свою веру, но и «офицеров церкви». Именно эти труженики церкви наставляли и вели за собой верующих. Изучение жизни, деятельности и гибели каждого из таких людей имеет громадное значение для прославления подвига новомучеников и исповедников Русской православной церкви. Полагаем, что в дальнейшем необходимо попытаться реконструировать при помощи просопографического метода коллективный образ «офицера церкви», самоотверженно служившего в 1920–1930-е гг. в Русской православной церкви, несмотря на гонения коммунистического государства.

¹ *Перемышленникова Н. М.* Архивное следственное дело как исторический источник // Вестник архивиста. 1999. № 4–5 (52–53). С. 227–230; *Романова С. Н.* Особенности судебно-следственных дел о духовенстве (1918–1940 гг.) // Исторический вестник. № 1. С. 101–104; *Кладова Н. В.* Следственные дела репрессированных: проблема включения источника в научный оборот // Человек — текст — эпоха: сб. научн. ст. и мат.-лов. Томск, 2011. С. 70–83; *Ситейкин А. В.* Материалы следственных дел как источник по истории антицерковной политики советской власти в 1917–1921 годах // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2016. № 2. С. 73–92; и др.

² *Воробьев В., прот., Кривова Н. А., Романова С. Н., Щелкачев А. В.* Предисловие // Следственное дело патриарха Тихона: сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000; *Игумен Дамаскин (Орловский).* Судебно-следственное дело иеромонаха Макария (Телегина) как источник персональной информации. 1922 г. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 231–240; *Каиль М. В.* Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918–1920-х гг. // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 59–66; и др.

³ *Казанков А. И.* «Я фотографировал церкви, попов, железнодорожников...»: повседневная жизнь деревенского маргинала в первой половине XX века // Вестник Пермского университета. История. 2016. Вып. 1 (32). С. 143.

⁴ *Инфантьев В. Ф.* // Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий в Омской области. Т. 3. Омск, 2001. С. 422.

⁵ *Шангин М. С.* Террор против совести. Омск, 1994; *Краевская И. В., Черказьянова И. В.* От «тьмы» к «свету» предлагала двигаться советская власть, начав бороться с церковью // Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий в Омской области. Т. 8. Омск, 2003. С. 37–44; *Василевский В. П., Сушко А. В.* «Стражи революции»: органы ГПУ — ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск, 2017. С. 85–107; *Сушко А. В.* Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (на примере судеб архиепископа Сильвестра (Оль-

шевского) и священника В. Ф. Инфатьева) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 5–8.

⁶ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–11368. Л. 9.

⁷ Там же. Л. 10, 11, 13, 14.

⁸ Там же. Л. 50.

⁹ Там же. Л. 15–15 об.

¹⁰ Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–12115. Т. 1. Л. 133 об.

¹¹ Сушко А. В., Петин Д. И. «Вы почли своевременным приспособить деление епархий применительно к новому гражданскому делению...»: доклад епископа Омского Аркадия митрополиту Нижегородскому Сергию и Священному Синоду (1929 г.) // Вестник архивиста. 2018. № 2. С. 387–405.

¹² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–11368. Л. 44 об.

¹³ Сушко А. В., Петин Д. И. «Вы почли своевременным...». С. 396.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–11368. Л. 50.

¹⁶ Краевская И. В., Черказьянова И. В. От «тьмы» к «свету»... С. 43.

¹⁷ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–11368. Л. 8–8 об.

¹⁸ Потемкина М. Н. Перспективы использования архивно-следственных дел 1930–1940 гг. в источниковедческой практике // Мир историка и пространство истории. Челябинск, 2018. С. 282.

¹⁹ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–11368. Л. 26–28.

²⁰ Там же. Л. 29.

²¹ Там же. Л. 29–31.

²² Шангин М. С. Террор против совести. С. 206–208.

²³ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–11368. Л. 33.

²⁴ Там же. Л. 40–41.

²⁵ Там же. Л. 37 об.

²⁶ Крест архипастыря: материалы к биографии священномученика Аркадия (Ершова), епископа Екатеринбургского / автор и сост. А. В. Печерин. Екатеринбург, 2015. С. 126.

²⁷ Печерин А. В. «Церковные агенты» ОГПУ — НКВД на Урале в 1920–1930 гг.: штрихи к социальному портрету // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 1. С. 86.

²⁸ Крест архипастыря... С. 49.

²⁹ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–11368. Л. 49.

³⁰ Там же.

³¹ Кладова Н. В. Следственные дела репрессированных. С. 73.

³² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–11368. Л. 35.

³³ Там же. Л. 43.

³⁴ Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»... С. 203.

³⁵ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–11368. Л. 49.

³⁶ Одицов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014. С. 191.

³⁷ Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»... С. 204.

³⁸ Исторический архив Омской области. Ф. Р–1326. Оп. 1. Д. 80. Л. 99.

³⁹ Игумен Дамаскин (Орловский). Судебно-следственное дело иеромонаха Макария... С. 232.

⁴⁰ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–11368. Л. 50.

⁴¹ Краевская И. В., Черказьянова И. В. От «тьмы» к «свету»... С. 40–42.

⁴² Казанков А. И. «Я фотографировал церкви, попов, железнодорожников...». С. 147.

⁴³ Фриз Г. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 87–88.

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2018 г.

Рекомендована в печать 16 мая 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сушко А. В. «Офицер церкви» в условиях антирелигиозной политики Советского государства: подвиг исповедничества омского священника В. Ф. Инфантьева // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 3. С. 642–659. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.306> УДК 271.2 (09)

Аннотация. На материалах архивного уголовного дела в отношении омского священника В. Ф. Инфантьева раскрывается информационный потенциал этого уникального исторического источника персональной информации для исследования процессов и итогов политических репрессий в СССР. Анализ архивного уголовного дела В. Ф. Инфантьева позволяет утверждать, что это основной, комплексный источник, из которого можно узнать о жизни священника. Степень достоверности документов, содержащихся в деле В. Ф. Инфантьева, различна, поэтому оценивается информативность групп документов, содержащихся в нем. Сведения о дореволюционной жизни священника, а также о его религиозной деятельности и борьбе с обновленчеством не вызывают сомнений и позволяют достаточно подробно реконструировать основные вехи его биографии. В то же время показания свидетелей обвинения, важнейшие из которых были информаторами ОГПУ и выполняли указания оперативников, частично вызывают сомнения, так как подозрительно связаны с актуальными для власти вопросами и в сжатые сроки дорабатывались до нужного вышестоящему чекистскому руководству вида. На основе документов из дела доказано, что расстрел В. Ф. Инфантьева не был следствием «контрреволюционной агитации», по версии следствия систематически проводившейся священником. Смертный приговор стал результатом упорной деятельности В. Ф. Инфантьева по борьбе с обновленцами, которых поддерживали органы ОГПУ, рассчитывавшие с их помощью разложить и уничтожить Русскую православную церковь. В статье ставится проблема актуальности просопографических исследований жизни рядовых священников в 1920–1930-е гг., благодаря которым, по мнению автора, Русской православной церкви удалось выстоять в эпоху сталинизма.

Ключевые слова: Русская православная церковь, обновленчество, советская власть, спецслужбы, Объединенное государственное политическое управление, Омск, священник, В. Ф. Инфантьев.

Сведения об авторе: Сушко А. В. — д-р ист. наук, проф., Омский автобронетанковый инженерный институт; проф., Омский государственный технический университет (Омск, Россия); alexsushko@rambler.ru

Омский автобронетанковый инженерный институт, Россия, 644098, Омск, п. Черемушки, 14, военный городок

Омский государственный технический университет, Россия, 644050, Омск, пр. Мира, 11

FOR CITATION

Sushko A. V. "Officer of the Church" in the Conditions of the Anti-Religious Policy of the Soviet State: the Feat of Confession of an Omsk Priest V. F. Infantev', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 3, 2019, pp. 642–659. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.306>

Abstract: Archival materials on the criminal case against Omsk priest V. F. Infantev provides potentially important insights into political repression in the USSR. Because the reliability of various documents in this case might not be of equal validity, it is necessary initially to assess the accuracy of these documents. Information on this priest's pre-revolutionary life, as well as his religious activities and fight against Renovatism, is beyond doubt and allows for a sufficiently detailed reconstruction of the main milestones of his biography. In contrast, testimonies of witnesses for the prosecution, especially OGPU informers following the instructions of the detectives, are doubtful, as they are suspiciously connected with topics relevant to the authorities and in a short time were refined to the kind required by higher KGB leadership. Infantev's execution was not a due to "anti-Revolution propaganda," as according to the prosecution, but because of his persistent activity defending dogmatic Orthodox faith against Renovatists, supported by OGPU, who tried to use Renovatists to discredit and corrupt the Russian Orthodox church. The article raises the importance of prosographic research of ordinary priests in 1920s and 1930s, as those people backed the independence of Russian Orthodox church during Stalinism.

Keywords: Russian Orthodox Church, renovation, Soviet Power, special services, Omsk, priest, V. F. Infantiev.

Author: *Sushko A. V.* — Dr. Sci. in History, Professor, Omsk Tank-Automotive Engineering Institute; Professor, Omsk State Technical University (Omsk); alexsushko@rambler.ru

Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, 14 voennyi gorodok, p. Cheremushki, Omsk, 644098, Russia

Omsk State Technical University, 11, pr. Mira, Omsk, 644050, Russia

References:

Friz G. "All power to the parishes": the revival of the orthodoxy in 1920s', *Gosudarstvo, religii, tserkov v Rossii i za rubezhom*, no. 3–4, 2012. (In Russian)

Igumen Damaskin (Orlovskiy). 'The investigative file of hieromonk Makariy (Telegin) as a source of personal information', *Vestnik arkhivista*, no. 4, 2012. (In Russian)

Kail M. V. 'The cases against the provincial episcopate, clergy and believers. 1918–1920', *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, 2012. (In Russian)

Kazankov A. I. "I took photos of churches, priests, railway workers...": everyday life of a rustic marginal in the first half of XX century', *Vestnik Permskogo universiteta*. Ser. Istoriya, no. 1, 2016. (In Russian)

Kladova N. V. 'Investigative files of repressed: the problem of inclusion of a source in the scientific circulation', *Chelovek — tekst — epokha: sb. nauch. st. i mat-lov* (Tomsk, 2011). (In Russian)

Kraevskaya I. V., Cherkazyanova I. V. 'The Soviet power offered to move from "darkness" to "light", having begun to bargain with the Church', *Zabveniyu ne podlezhit. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressij v Omskoj oblasti*, Vol. 8 (Omsk, 2011). (In Russian)

Not to be forgotten. A book of memory of victims of political repressions in the Omsk region, vol. 3 (Omsk, 2011). (In Russian)

Odintsov M. I. *The Russian Orthodox Church on the eve and during the Stalin's socialism. 1917–1953* (Moscow, 2000). (In Russian)

Pecherin A. V. "Church agents" of OGPU — NKVD on Ural in 1920–1930: The social portrait', *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta*, Ser. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo, no. 1, 2018. (In Russian)

Peremyshlennikova N. M. 'Archival investigative file as a historical source', *Vestnik arkhivista*, no. 4–5, 1999. (In Russian)

Potemkina M. N. 'The prospects for the use of archival investigative files of 1930–1940 in source study', *Mir istorika i prostranstvo istorii: sb. statei k iubileiu professora N. N. Alevras* (Chelyabinsk, 2018). (In Russian)

Romanova S. N. 'Features of investigation of the clergy (1918–1940)', *Istoricheskiy vestnik*, no. 1, 2001. (In Russian)

Shangin M. S. *Terror against conscience* (Omsk, 1994). (In Russian)

Sipeikin A. V. 'Materials from investigative files as a source on the history of the anti-religious policy of the Soviet government in 1917–1921', *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. Istoria, no. 2, 2016. (In Russian)

Sushko A. V. 'The participation of the Omsk clergy in the events of Russian revolution and Civil war (on the example of archbishop Silvestr (Olshevskiy) and priest V. F. Infantiev)', *Omskiy nauchnyy vestnik*, Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost, no. 3, 2017. (In Russian)

Sushko A. V., Petin D. I. "You considered it convenient to adjust the division of the diocese with reference to the new civil division...": the Omsk bishop Arkadiy to metropolitan Sergiy and to the Holy Synod', *Vestnik arkhivista*, no. 2, 2018. (In Russian)

The cross of archpastor. The materials for the biography of the martyr Arkadiy (Ershov), bishop of Yekaterinburg (Yekaterinburg, 2015). (In Russian)

Vasilevskiy V. P., Sushko A. V. "The guardians of Revolution": the bodies of GPU — OGPU in Omsk Priirtyshie (Omsk, 2017). (In Russian)

Vorobiev V., prot., Krivova N. A., Romanova S. N., Shchelkachev A. V. 'Introduction', *Sledstvennoe delo patriarkha Tikhona: sb. dokumentov po materialam Tsentralnogo arkhiva FSB RF* (Moscow, 2000). (In Russian)

Received: November 5, 2018

Accepted: May 16, 2019